
ОБЗОРЫ
И РЕЦЕНЗИИ

**СТЕФАНО ГАРДЗОНИО.
СТАТЬИ ПО РУССКОЙ ПОЭЗИИ И КУЛЬТУРЕ XX ВЕКА**

М.: ВОДОЛЕЙ PUBLISHERS, 2006. 368 с.

Эта книга, принадлежащая перу известного итальянского профессора славистики, поражает одновременно и своей энциклопедичностью, и “неслыханной простотой” письма, которая отличает лишь очень профессиональных ученых. И хотя в названии упомянуты только “русские” поэзия и культура, на самом деле книга вводит нас в широкий диапазон русско-итальянских взаимоотношений и влияний в различных сферах культурной жизни.

Книга состоит из двух частей, но в названиях обеих ключевым становится прилагательное “русский”. Первая часть, озаглавленная “О русском модернизме”, содержит ряд статей, посвященных русским поэтам и писателям Серебряного века, и почти в каждой из них есть отсылка к итальянской литературе или культуре, так что постепенно все они сливаются в так называемый “Итальянский текст” русской литературы. Начинается она с исследования знаменитого сонета Вяч. Иванова “Италия” (1911), который содержит “звуки итальянские”, затем представлен анализ стихотворения Ю. Балтрушайтиса “Привет Италии” (1918), в котором вводится образ Италии как “строного храма” (по мысли Гардзонио, это сопоставление отражает идею христианского универсализма).

Далее в первой части возникают два тематических центра. Первый из них связан с образом Святого Франциска в русской поэзии начала XX века. Этот образ всплывает как в связи с не очень известным, но “подлинным” поэтом Л. Каннегисером, его “Стихами о Франциске”, так и в связи со всем известным заглавным тропом книги “Сестра моя – жизнь” Б. Пастернака. В обоих случаях Гардзонио проводит мысль о мифопоэтической силе образа этого святого в русской поэзии того времени. Фигура и учение Франциска Ассизского оказали влияние на многих поэтов и философов эпохи модернизма, в число которых входят Вяч. Иванов, М. Кузмин, А. Добролюбов, М. Волошин, С. Соловьев, Н. Бердяев. Большой интерес к наследию Франциска объясним, по мысли ученого, некоторой общностью эсхатологических ожиданий и мистического подхода к истории, природе и человеку.

Второй центр связан с итальянской темой в поэзии О. Мандельштама. Этому поэту в книге

посвящено несколько статей, в каждой из которых итальянская тема получает свое особое звучание. В самом начале С. Гардзонио отмечает, что “изучение мифопоэтической функции образа Италии в поэзии Мандельштама нельзя отделить от сложной поэтической ткани ассоциаций, подтекстов и внутритекстовых соотношений” (с. 43), характеризующих его творчество на разных этапах поэтического становления. Удивительно то, что С. Гардзонио удается в своем исследовании показать, как разные уровни мандельштамовских текстов, взаимодействуя друг с другом, создают стилистическую целостность его поэзии на пересечении различных русских и итальянских подтекстов. В итоге мы понимаем, почему выражение “Флоренция в Москве” становится для Мандельштама ключевым не только в стихотворении “В разноголосице девического хора...” (1916), посвященном М. Цветаевой, но и для всего творчества поэта. Постоянными на протяжении всего творческого пути являются у Мандельштама и “флорентийская тоска”, и уподобление себя Данте. Недаром мандельштамовский цикл в книге Гардзонио заканчивается статьей «Об одном “дантовском” эпитете Мандельштама (стихотворение “Слышу, слышу ранний лед...”»». Само стихотворение посвящено Петербургу, по которому русский поэт так же тоскует в изгнании, как Данте по Флоренции. В стихотворении Мандельштама, по мысли Гардзонио, заключительное двуступенчатое *И несладким кормит хлебом / Неотвязных лебедей...* отсылает к тому фрагменту “Божественной комедии”, где говорится о горьком хлебе на чужбине. Однако Мандельштам подсоединяет к этой “горечи” и свою ноту “лебединой песни”.

Не меньший интерес для С. Гардзонио представляют и тексты Б. Пастернака, в которых на первый план выступает богатая звукопись. В этом смысле неслучайно, что истоки стихотворения “Степь” из книги “Сестра моя – жизнь” ученый, опираясь на предшественников (Р. Тименчика, Л. Флейшмана и др.), находит в “Глоссолалии. Поэме о звуке” А. Белого; а далее источники пастернаковского текста обнаруживаются в звучащем на иврите библейском тексте, открывающемся словом *береиш* со значением ‘в начале’. В статье “1958-й год – год Пастернака. Итальян-

ские отклики” автор книги анализирует комплекс литературных отзывов, очерков и рецензий, вызванных публикацией романа “Доктор Живаго” итальянским издателем Фельтринелли. Гардзонио отмечает, что почти все крупные итальянские писатели выразили свое отношение к роману Пастернака и внесли в него “чисто итальянское толкование”. Интересно, к примеру, жанровое определение романа, “вывернутое на оборот” Джудичи, который считал, что это “цикл стихотворений в повествовательно-очерковой форме при комментарии в форме традиционной символической поэзии” (с. 106). Таким образом, получается, что “Доктор Живаго” фактически является “поэмой в прозе”, что более точно сформулировал Цветеремиш. В целом, подчеркивает Гардзонио, итальянская литература и критика рассматривала роман Пастернака как “свое собственное” произведение и создала вокруг него целую сеть интерпретаций, основанных на проекции романа на итальянскую литературу того времени.

Проблемно к этому же циклу примыкает и статья “Несколько замечаний о поэтике раннего Вагинова”, в которой как средство подтекстового анализа предлагается новый термин “нереализуемая реминисценция”. Речь в ней идет о внутренней противопоставленности текстов Вагинова мандельштамовским подтекстам. Так, оксюморонная строка Мандельштама “Я от жизни смертельно устал...” у Вагинова оборачивается высказыванием “А все же жизнь смертельно хороша”. При этом, считает исследователь, реминисценция у Вагинова не достигает мандельштамовской “кульминации”, поскольку претекстовый элемент ее остается недовыявленным, т.е. нереализованным.

Еще один раздел первой части посвящен поэта́м и прозаикам издательства “Омфалос” (Петроград–Одесса, 1916–1919), и прежде всего М. Лопатто – прозаику и исследователю пушкинской прозы. В частности, Гардзонио воссоздается полный текст романа Лопатто “Чертов сын”, написанный во время эмиграции в Италии. Роман был издан в переводе на итальянский язык и подписан псевдонимом. В нем дается живая характеристика русских поэтов Серебряного века – М. Кузмина, А. Блока, О. Мандельштама, Н. Гумилева. В других статьях Гардзонио знакомит русского читателя с такими поэтами омфалитического Парнаса, как В. Бабаджан и Н. Бахтин (брат М. Бахтина). Стихотворные сборники В. Бабаджана анализируются ученым с точки зрения эволюции стиля этого рано ушедшего поэта; показано, как постепенно Бабаджан освобождается от подражания поэтам-декадентам и обретает свой оригинальный стиль. Поэтическое же наследие Н. Бахтина до сих пор мало известно любителям русской поэзии, и Гардзонио пытается восполнить этот про-

бел в литературной истории своим небольшим исследованием, основанным на архивных материалах.

Интересна и та часть раздела, где разбирается работа молодого Лопатто “Опыт введения в теорию прозы (Повести Белкина)”. Гардзонио отмечает, что Лопатто один из первых применяет количественный анализ прозы Пушкина при делении прозаического текста на главы, абзацы и фразы, причем эти данные сопоставляются им с данными по прозе Лермонтова, Достоевского, Толстого, Чехова. Важен вывод Лопатто о том, что у каждого прозаика свои постоянные размеры абзаца (с. 140). Итальянский исследователь пытается также вписать прозу самого М. Лопатто в контекст русской литературы 1910–1920-х годов, освободив ее от ярлыка примитивного эпигонства.

В заключительном разделе первой части под названием “Материалы” приводятся найденные в русских и зарубежных архивах письма русских литераторов, которые проливают свет на малоизвестные факты истории русской литературы (как, например, Олимпиаду русского футуризма 1914 года), а также представляют стихотворные произведения второстепенных поэтов начала XX века, составлявших фон литературной эволюции (Б. Зубакина и др.).

Вторая часть книги называется “Русское зарубежье” и открывается разделом “Русские писатели в Италии”. В нем мы вновь знакомимся с малоизвестными российскому читателю литературными фигурами. В частности, первая статья раздела посвящена М. Первухину – “живописцу русской революции и итальянского фашизма”. В эмиграции он был известен и как писатель реалистического направления, и как мемуарист (воспоминания о Толстом, Андрееве, Чехове, Горьком и др.), и как человек, сблизившийся с итальянскими фашистами. В своих статьях, которые он адресовал “Русской мысли”, Первухин выражает свою позицию по отношению к итальянскому фашизму, который ему оказывается ближе, чем его русский и немецкий аналог. Он также видел в признании Италией Советской России опасность укрепления коммунизма (статья “Фашистская Италия и большевистская Россия”, 1923).

Следующая статья выделяет среди поэтов первой волны русской эмиграции, оказавшихся в Италии, фигуру В.А. Сумбатова. Его поэзия обнаруживает прямую зависимость от русской традиции позднего романтизма, в частности, от поэзии А. Случевского и А. Фета, однако Сумбатов не избежал и влияния К. Бальмонта и А. Блока. В архиве поэта хранятся не только книги его стихов, но и воспоминания, а также многочисленные переводы, прежде всего с итальянского и английского. Специально Гардзонио выделяет поэму

Сумбатова “Москва”, которая была написана в Риме в 1939 г. и отразила “римскую тоску” поэта по русской столице. В книге также представлены образцы переводов Сумбатова из Данте, Микеланджело, Леопарди, Пасколи, Кардуччи, Д’Аннуцио и др.

Далее читатель узнает об еще одном поэте-эмигранте – А. Гейнцельмане, которого Гардзонио называет “поэтом одиночества”. Гейнцельман также издавал свои произведения в Италии, сохранились и многие его рукописные книги. Анализ рукописного наследия, который провел итальянский славист, показывает, что многие тексты Гейнцельмана не имеют окончательной редакции, поскольку не были адресованы широкому читателю; писание же и переписывание стихов доходило у поэта до маниакальности. Однако стихи, изданные при жизни Гейнцельмана и после его смерти, все же нашли отклик у итальянских славистов, признавших духовное родство его поэзии с поэзией В. Соловьева и В. Брюсова, однако не исключили и влияния на Гейнцельмана итальянских поэтов. С. Гардзонио предлагает в данном издании и собственное исследование некоторых произведений поэта, анализирует их жанровую принадлежность, ритмическую организацию, систему рифмовки, а также особенности индивидуального поэтического языка.

Не остаются без внимания и русские прозаики, переехавшие в Италию в числе эмигрантов первой волны. Среди них Гардзонио выделяет О. Фелина (Блиндермана), прозу которого характеризует как “вторую” и “двойную”. В то же время Фелин вместе с женой и дочерью переводил и советские романы конца 1920-х годов на итальянский язык; известен он и как автор пьес, которые ставили лучшие итальянские артисты. Известность принес Фелину роман “Двое и тень (Записки бешеной собаки)”, напечатанный в 1929 г. в Берлине. По мысли Гардзонио, именно в этом ро-

мане, имеющем фантастический сюжет и развивающем собачью тему, переплетаются разные литературные и национальные традиции.

Завершает вторую часть книги раздел “Русская политическая эмиграция”, где на переднем плане оказываются русские ученые и политические деятели, жившие в Италии. Среди них Е. Ананьин – “русский революционер и исследователь итальянской культуры”, которому посвящена отдельная статья. Остальные фигуры русской политической эмиграции описываются Гардзонио в связи с историей двух газет, выходивших в 1917–1921 годах на итальянском языке – “La Russia” и “La Russia nuova”. Завершает книгу раздел “Русский и итальянский фашизм. Материалы к теме”, в котором делается попытка воссоздать историю политически правых, националистических сил русского Зарубежья, для которых Б. Муссолини олицетворял образ борца за освобождение России от большевизма.

В послесловии В.Н. Топорова так определено главное достоинство труда С. Гардзонио: «Прочтя эту книгу, читатель помимо всего прочего войдет в широчайшее пространство “человеческого”. Перед ним предстанут около 700 упоминаемых в книге персонажей – поэтов и прозаиков, литературоведов и историков, мыслителей, политиков и издателей, одним словом, людей разных национальностей, в той или иной мере трудившихся на оказавшейся столь богатой ниве итальянско-русских контактов в области культуры» (с. 349). Можно смело сказать, что и сам С. Гардзонио – один из таких подвижников, который связывает две великие культуры. В этом смысле рецензируемую книгу можно считать своеобразной “верительной грамотой” итальянского слависта в пространстве русской культуры.

Н.А. Фатеева